

ИСТОРИЯ ПРАВОПОРЯДКА. ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

УДК 93+35.071

№ 4 (15) / 2017, с. 34-45

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДОВ РАБОТЫ

Степан Викторович Джунджузов

доктор исторических наук, доцент

Оренбургский государственный педагогический университет,

Оренбург, Российская Федерация

E-mail: djund@yandex.ru

В статье раскрываются вопросы региональной истории политического сыска в период первой российской революции, предлагается развернутый историографический обзор исследований, посвященных деятельности охранных отделений в уральском регионе. Автор обращает внимание на особенности организации внутреннего и наружного наблюдения, механизмы сбора информации, внедрение новых методов агентурной работы, в том числе провокационных, их результативность в борьбе с политическим подпольем и влияние на моральное состояние российского общества. Привлечение материалов не только центральных, но и местных архивов позволяет уточнить место политической тайной полиции в системе карательных органов Российской империи, выявить реальные проблемы взаимоотношений между правоохранительными ведомствами.

Ключевые слова: политический сыск, политическая полиция, Российская империя, охранные отделения, Оренбургское губернское жандармское управление.

POLITICAL SPYING IN THE SOUTHERN URALS IN THE PERIOD OF THE REVOLUTION 1905–1907: IMPROVEMENT OF ORGANIZATION AND METHODS OF WORK

Stepan Dzhundzhuzov

Doctor of History, Associate Professor

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

E-mail: djund@yandex.ru

The article reveals the issues of the regional history of political investigation during the first Russian revolution. A detailed historiographical survey of studies devoted to the activities of security departments in the Urals region is proposed. The author draws attention to the peculiarities of the organization of internal and external observation, mechanisms for collecting information, the introduction of new methods of agent work, including provocative ones, their effectiveness in combating the political underground and the impact on the moral condition of Russian society. Attraction of materials of not only central, but also local archives allows to specify a place of political secret police in system of punitive organs of Russian empire, to reveal real problems of mutual relations between law enforcement departments.

Keywords: political investigation, political police, Russian empire, security departments, Orenburg gendarmerie administration

После победы Февральской революции в казематах Петропавловской крепости, где прежде содержались революционеры, оказались руководители и крупные чиновники Министерства внутренних дел и департамента

полиции. Результатом скрупулезной работы созданной по инициативе Временного правительства Чрезвычайной следственной комиссии стали стенографические отчеты допросов и показаний, проливающие свет

на деятельность политической полиции. Особый интерес следователей вызывали способы вербовки и использования секретных осведомителей политического сыска, а также участие агентов охранных отделений в провоцировании политических преступлений [23]. Тогда же, по горячим следам, были изданы несколько брошюр, в которых описывались антигуманные и даже преступные методы и средства, использовавшиеся в работе царской охранки [5; 11; 25].

С приходом к власти большевиков интерес к закулисной деятельности охранных отделений и жандармерии продолжал возрастать. Тысячи людей, прошедших через тюрьмы, каторгу и ссылку, стремились получить как можно больше правдивой информации о чиновниках политического сыска и их осведомителях, виновных в провалах отдельных революционеров и целых подпольных организаций. Особенностью книг и брошюр, выходящих с 1917 г. до середины 30-х гг., является их ярко выраженный разоблачительный характер [1; 2; 7; 12; 14; 22; 32; 35; 41]. Наряду с книгами и статьями по данной проблеме, написанными участниками революционного движения, советскими историками и публицистами, у читателей в России имелась возможность познакомиться с мнением противоположной стороны – в Советском Союзе издавались воспоминания успевших эмигрировать командира корпуса жандармов П.Г. Курлова и начальника Дворцовой полиции А.И. Спиридовича [17; 33]. Оставаясь убежденными монархистами, авторы мемуаров, в стремлении свести личные счеты со своими бывшими коллегами по службе и недругами из придворных кругов, описывали злоупотребления отдельных чиновников и тем самым косвенно подтверждали причастность охранки к провокации политических преступлений. Отражение в исторической литературе диаметрально противоположных точек зрения позволяло более объективно оценивать роль и место политической тайной полиции в системе карательных органов Российской империи.

С середины 30-х гг. изучение истории политического сыска на долгое время прекратилось. Лишь после смерти И.В. Сталина и разоблачения его культа на XX съезде КПСС возобновились исследования различных аспектов деятельности Министерства внутренних дел и департамента полиции [34; 38, с. 193-201; 40].

Взаимодействию Министерства внутренних дел с Военным министерством, Министерством юстиции и другими органами, причастными к государственной безопасности,

посвятил монографию Д.И. Шинджикашвили [39]. Автору удалось показать тесную взаимосвязь всех звеньев репрессивного аппарата Российской империи. Им же в 1973 г. была написана книга «Сыскная полиция царской России в период империализма», где рассмотрена организация и механизм функционирования как центральных, так и местных органов политического сыска. Автор описал методы и средства вербовки секретной агентуры и специфику работы с ней [40].

В 1960-70-е гг. появляются исследования, посвященные деятельности охранных отделений и жандармерии в отдельных регионах. Уральскими историками Н.И. Куклиным и Н.Н. Ансимовым были защищены кандидатские диссертации, освещающие борьбу социал-демократических организаций Урала с подрывной деятельностью политической тайной полиции [3; 15]. Позднее, в 1989 г., Н.Н. Ансимов написал обобщающую монографию «Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917 гг.)». В книге описывается сложный внутренний механизм защиты партии большевиков от контрреволюционного негативного влияния на нее агентов охранки и обеспечение тем самым условий для эффективной революционной деятельности.

Полноправным объектом научного исследования политический сыск Российской империи становится в 1990-е гг. Освобождение от идеологического контроля, доступность архивного материала и возросший общественный интерес к негласной работе царских охранников содействовали росту публикации научно-популярных книг [10; 19; 27] и монографических трудов по истории российских спецслужб [20; 24; 37]. На рубеже XX–XXI вв. отечественная историография пополнилась рядом диссертационных исследований, освещающих деятельность структурных подразделений политического сыска в российской провинции [8; 13; 18; 36].

Деятельность Оренбургского губернского жандармского управления (далее – ГЖУ), охватывавшая большую часть территории Южного Урала, в научных публикациях до последнего времени затрагивалась лишь фрагментарно и, как правило, в связи с изучением истории местных организаций революционных партий. Исключение составляет номинированная как учебное пособие брошюра Д.А. Сафонова «Губернское жандармское правление». Она содержит общую характеристику жандармского управления как регионального учреждения государственной безопасности. Особую значимость этой небольшой

работе придает информация, извлеченная из архивного фонда Оренбургского ГЖУ [28].

В своих недавних публикациях исследователь вновь обращается к истории политического сыска. В них затрагиваются вопросы кадрового обеспечения Оренбургского губернского жандармского управления [29, с. 78-86] и методы розыскной деятельности [30, с. 87-94].

К началу XX в. в Российской империи сложилась развитая система органов политического сыска. Управление ими было сосредоточено в Министерстве внутренних дел. Непосредственная задача выявления политических «врагов» самодержавного режима возлагалась на Департамент государственной полиции. Сферу компетенции этого органа составляли вопросы организации и совершенствования политического сыска, разработки и внедрения системы мер, нацеленных на сохранение существующего государственного и общественного строя. Ключевой функцией Департамента полиции было предупреждение и пресечение политических преступлений, охрана общественной безопасности и порядка [26, с. 340].

В ведомственном подчинении Департамента полиции состоял важнейшим органом политического сыска Отдельный корпус жандармов. Корпус располагал разветвленной сетью жандармских учреждений на местах. В их число входили: губернские жандармские управления, а также создававшиеся по мере строительства железных дорог жандармские полицейские управления железных дорог.

До 1871 г. Отдельный корпус жандармов являлся органом политического наблюдения и доноса, не имея никакой определенной компетенции и полномочий. С изданием закона от 19 мая 1871 г. жандармерия превращается в орган судебного следствия и преследования политических преступлений. С этого времени все дело борьбы с крамолой сосредотачивается в руках Отдельного корпуса жандармов, а в губерниях, соответственно, – в ГЖУ. В результате нововведения губернатор как начальник губернии, в подчинении которого находилась полиция, устранялся от участия в борьбе с врагами престола.

Относительный паритет между двумя правоохранительными ведомствами был установлен с принятием 14 августа 1881 г. «Положения о государственной охране». Статья 21 Положения право предварительного задержания, а также производства обысков и выемок в порядке государственной охраны, предоставляла как начальникам жандармских управлений и их помощникам, так и чинам местной полиции, во главе которой стоял губернатор.

Для непосредственного исполнения возложенных на полицию полномочий в области политического сыска сначала в столичных, а затем и в наиболее крупных губернских городах и промышленных центрах России, создаются особые учреждения: отделения по охране общественной безопасности и порядка или иначе – охранные отделения [6, с. 247-248].

Создание охранных отделений следует рассматривать как попытку правительства искать выход из назревавшего революционного кризиса посредством усиления правоохранительного аппарата совершенствования методов оперативно-розыскной деятельности. В Циркуляре Министра внутренних дел В.К. Плеве от 12 августа 1902 г. выдвигалось требование создавать «охранки» там, где отмечается «особое усиленное развитие революционного движения».

Развернутое Департаментом полиции в начале XX в. насаждение охранных отделений не затронуло организацию политического сыска в Оренбургской губернии. Д.А. Сафонов, ссылаясь на переписку Оренбургского ГЖУ с Департаментом полиции, утверждает, что в Оренбурге охранные отделения – Оренбургский розыскной пункт – возникло в ноябре 1905 г. Однако никаких сведений о практической деятельности отделения не приводится [28, с. 7]. Здесь по-прежнему наблюдательная деятельность за политическими настроениями населения, розыскная служба и последующее следствие по делам о политических преступлениях были сосредоточены в руках Оренбургского ГЖУ.

На службе в Управлении состояли четыре офицера: начальник ГЖУ, его адъютант и два помощника – один по Троицкому и Верхнеуральскому уездам, другой – по Челябинскому уезду. Под их руководством несли службу 3 вахмистра и 20 унтер-офицеров дополнительного штата. Унтер-офицеры, в свою очередь, были рассредоточены в шести жандармских пунктах, установленных в городах и селениях горных заводов Южного Урала. За каждым пунктом закреплялся определенный район наблюдения (табл.1).

Таким образом, при общей площади Оренбургской губернии 167 155 кв. верст (примерно 178 321 кв. км.) и населением (в 1900 г.) 1 558 830 человек¹ на каждый пункт наблюдения в среднем приходилось 28 026 кв. верст и 259 086 жителей.

Несмотря на территориальный размах и более чем полутора миллионную численность населения, вплоть до первой российской революции каких-либо массовых оппозиционных,

¹ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 3. – Д. 18. – Л. 4

Штатное расписание Оренбургского ГЖУ 1905-1907 гг.

Офицерский состав	Начальник ГЖУ, адъютант начальника ГЖУ	Помощник начальника ГЖУ по Челябинскому уезду	Помощник начальника ГЖУ по Троицкому и Верхнеуральскому уездам
Рядовой состав	Вахмистр и 7 унтер-офицеров	Вахмистр и 6 унтер-офицеров	Вахмистр и 7 унтер-офицеров
Район наблюдения	Оренбургский и Орский уезды	Челябинский уезд	Верхнеуральский и Троицкий уезды

а тем более революционных проявлений недовольства деятельностью правительства или местной администрации среди жителей Оренбуржья не наблюдалось. Служба жандармских и полицейских чинов сводилась в основном к расследованию государственных преступлений, связанных с оскорблением личности императора либо членов его семьи, наблюдению за лицами, сосланными в Оренбургскую губернию под особый надзор полиции и к установлению негласного надзора за людьми, подозреваемыми по каким-либо причинам в политической неблагонадежности².

К январю 1905 г. под особым надзором полиции состояли 32 человека³. Среди ссыльных выделилась группа профессиональных революционеров-социалистов, в которую входили Д.Г. Гансбург, Ю.В. Завойко, Д.П. Наранович, Е.Г. Джамбурия, И.З. Турашвили, И.С. Славин, В.П. Мордовии, Я.В. Меркулов и другие [21, с. 109]. Этим людям, не по своей воле заброшенным властями в степное Оренбуржье, суждено было стать организаторами сначала социалистических кружков, а затем и первых в истории края оренбургских групп РСДРП и ПСР.

Формирование революционных организаций совпало по времени с открытием самого крупного предприятия в Оренбурге – Главных ремонтных мастерских Ташкентской железной дороги. Призывы оренбургских социалистов находили отклик и поддержку рабочих железнодорожников, а вслед за ними у большей части трудящихся других предприятий города.

В Челябинске, как и в Оренбурге, в авангарде забастовочного движения стояли рабочие депо и мастерских Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорог. Созданный ими городской комитет возглавил стачечную борьбу в грозные октябрьские дни 1905 г. Образовавшаяся в Челябинске группа РСДРП, насчитывала в своих рядах, по данным жандармского ротмистра Бахметьева, около 200 сторонников. Ядро организации составляли рабочие железных дорог, механического завода, чаеразвесочной фабрики и приказчики торговых заведений⁴.

Охранные учреждения Оренбургской Губернии, как, впрочем, и во всей Российской империи, оказались неподготовленными к исполнению служебных обязанностей в условиях революционного кризиса. Офицеры Корпуса жандармов, занимавшиеся политическим розыском, привыкли работать по определенным шаблонам – усиленно разыскивали подпольные типографии и нелегальную литературу, которые они принимали за серьезные факты антиправительственной деятельности. Охватить же развивавшееся и видоизменявшееся революционное движение они не могли из-за недостаточности сил и средств [16, с. 86].

Вплоть до революции 1905-1907 гг. в Оренбургском ГЖУ не было своей агентурной сети. Из отчета начальника управления полковника К.Л. Леонтьева в Департамент полиции следует, что наблюдательная деятельность в Оренбургском крае осуществлялась «посредством расспросов лиц, пользующихся доверием и знающих данное дело, посредством справок в делах своей канцелярии, календарях, алфавитах и т. п., а где возможно производством официальных секретных запросов и расспросах о текущих событиях и заботах дня». Из местностей, в которых не было жандармских наблюдательных пунктов, сведения как об уголовных, так и о политических преступлениях, поступали в ГЖУ из сообщений общей полиции⁵.

Весьма скептически оценивал полковник К.Л. Леонтьев профессиональные способности и подготовленность к розыскной службе личного состава управления. На его взгляд, только два офицера из трех имели способности к такого рода деятельности, что же касается унтер-офицеров, то из них пригодными к жандармской службе он считал всего пятнадцать человек⁶.

Отрицательно сказывались на организации политического сыска в Оренбуржье трения между чинами общей полиции и жандармами. В упоминавшемся отчете начальник ГЖУ обличает полицейских чинов в должностных злоупотреблениях, в том, что они «смотрят на жандармов, как на лиц, мешаю-

² ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 5. – Д. 1. – Л. 35.

³ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 2. – Д. 53. – Л. 169-171.

⁴ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 3. – Д. 18. – Л. 17.

⁵ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 3. – Д. 18. – Л. 7.

⁶ Там же. – Л. 10.

щих их произволу и взяточничеству. Если же к этому присоединится и неудача по открытию полицией государственных преступлений, то отношения к жандармам становятся подозрительными и враждебными. После нередко даваемых Департаментом полиции чинам Корпуса жандармов поручений собрать сведения о злоупотреблениях кого-либо из чинов общей полиции, отношения эти переходят в самые ненавистные»⁷.

На несогласованность и даже помехи, чинимые общей полицией при расследовании жандармскими чинами политических преступлений обращали внимание в своих донесениях в Губернское управление жандармские офицеры, прикомандированные к уездам. Полицейские приставы и исправники часто не информировали жандармов о произведенных ими арестах по делам политического характера и тем самым препятствовали своевременной доставке в ГЖУ сведений о содержащихся под стражей лицах в районах жандармского наблюдения. Кроме того, чины полиции производили аресты тех лиц, в отношении которых уже было возбуждено жандармское дознание и своевременно приняты меры пресечения, не соединенные с лишением свободы.

Конфликт между правоохранительными ведомствами зашел настолько далеко, что начальник ГЖУ вынужден был обратиться с жалобой непосредственно к губернатору. В ответ губернатор Я.Я. Таубе 5 мая 1906 г. издал для своих подчиненных распоряжение: «О всех случаях арестов лиц по политическим делам немедленно доводить до сведения подлежащих чинов жандармского надзора»⁸.

Отмеченные недостатки в функционировании политического сыска на Южном Урале представляются не более чем симптомами общего недуга, присущего всем структурам исполнительной власти в царской России, опутанных действовавшими в стране жесткими законами бюрократического управления. По меткому замечанию Д.А. Сафонова: «Местные власти были абсолютно безынициативны..., потому что в России того времени думали только наверху, а внизу – на местном уровне – только исполняли» [31, с. 113].

Жандармские офицеры и полицейские чиновники руководствовались исключительно циркулярами, предписаниями и распоряжениями МВД и Департамента полиции. Стремление отчитаться перед высокопоставленными чиновниками в строгом соответствии с поступающими из Петербурга

запросами порой заставляло оренбургских жандармов идти на прямую фальсификацию сообщаемых ими сведений. Так, в мае 1906 г. Департамент полиции потребовал от начальника Оренбургского ГЖУ предоставить список лиц, состоящих в местной организации партии кадетов. Несмотря на то, что кадетских организаций на территории края еще не существовало – они будут созданы значительно позднее – необходимые данные в Департамент полиции были доставлены. Из донесения следовало, что в Оренбурге членами кадетской партии состояли 45 человек, в Челябинске – 28 и в Троицке – 3. О степени достоверности представленных списков красноречиво свидетельствует комментарий помощника начальника ГЖУ по Челябинскому уезду ротмистра Бахметьева: «Названные в списке лица свою принадлежность к кадетской партии держат в секрете, ... не проявляя ни в чем наружной деятельности этой партии, можно заключить об их к ней принадлежности, но они строго определенной организации не составляют»⁹ [48, л. 132-132об.]. Донесение Бахметьева адресовалось исключительно непосредственному начальнику. В Департамент полиции были направлены только списки без каких-либо пояснений к ним.

Стремление принимать желаемое за действительное имело место и при выявлении революционных организаций. Департамент полиции требовал от руководителей местных розыскных учреждений докладов об установленных подпольных группах, с обязательным указанием, к какой из революционных партий они принадлежат. К примеру, когда помощник начальника ГЖУ по Троицкому и Верхнеуральскому уездам ротмистр Кучин в обозрении политической обстановки в вверенном ему районе за 1907 г. отметил, что данные агентурного наблюдения указывают на наличие в г. Троицке революционной организации. Но для окончательного утверждения у него нет достаточных сведений. Полковник Леонтьев потребовал немедленно уточнить партийную принадлежность группы. В итоге, после осторожного предположения Кучина, что подозреваемые лица разделяют взгляды социал-демократов, в числе наблюдаемых по Оренбургскому ГЖУ организаций появилась Троицкая группа РСДРП¹⁰ [50, л. 22-23].

Образование местных организаций революционных партий, активизация аграрного, профессионального, либерального и национального движений, перерастание отдельных забастовок рабочих во всеобщую политиче-

⁷ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 3. – Д. 18. – Л. 18.

⁸ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 3. – Д. 377/1. – Л. 350-351.

⁹ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 3. – Д. 18. – Л. 18.

¹⁰ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 5. – Д. 23. – Л. 2-26.

скую стачку постоянная угроза экспроприаций, и террористических актов, заставляли охранников искать новые методы и средства ведения оперативно-розыскной деятельности.

Структурная реорганизация системы охранных учреждений в России началась с назначением директором Департамента полиции М.И. Трусевича. По его инициативе, в декабре 1906 г. создаются 8 районных охранных отделений. Территория каждого из них охватывала несколько губерний. Главная задача начальника Районного охранного отделения состояла в координации деятельности по политическому розыску всех жандармских и полицейских учреждений, находившихся на территории района.

Особое внимание в «Положении о Районных охранных отделениях»¹¹ уделялось организации внутреннего и наружного наблюдения. Указания внутренней агентуры (секретных сотрудников) использовались для направления деятельности, входивших в район розыскных органов. Согласно §10 «Положения», все агентурные указания немедленно доставлялись в Районное охранное отделение по каждой организации отдельно, с указанием принятых мер и результатов разработки. Начальник Охранного отделения, в свою очередь, составив сводки по политическим организациям всего района, ежемесячно предоставлял таковые в Особый отдел Департамента полиции.

В числе других одиннадцати управлений Поволжья и Урала, Оренбургское ГЖУ входило в состав Самарского районного охранного отделения. Помимо общего руководства самарская охранка оказывала помощь оренбургским жандармам в разработке планов и проведении «ликвидаций» революционных организаций. По просьбе начальника ГЖУ или его помощников в уездах из Самары в Оренбургскую губернию командировались филеры для наружного наблюдения или секретные сотрудники для внутреннего сыска.

Для успешного противодействия деятельности леворадикальных партий от жандармских офицеров требовалось умение не только отличать их друг от друга, но и разбираться в стратегических и тактических программных установках каждой из них.

Начиная с 1906 г. в канцелярию Оренбургского ГЖУ стали поступать из Департамента полиции под грифами «Секретно» инструкции с подробной информацией о состоянии революционного движения, о положении дел внутри социалистических партий. Неиссякаемым потоком поступали списки

¹¹ ГАОО. - Ф. 21. - Оп. 7. - Д. 47. - Л. 4-7об.

с псевдонимами, именами и фамилиями разыскиваемых революционеров или лиц, подозреваемых в совершении политических преступлений. По каждому из них указывались особые приметы, возможные явки, пути следования и другая оперативная информация.

В свою очередь ГЖУ информировало Районное охранное отделение, а через него и Департамент полиции, о деятельности выявленных в городах и уездах революционных и оппозиционных организаций и профессиональных союзов, произведенных в отношении их членов арестах и последующих дознаний, а также представлялись подробнейшие обзоры политических настроений жителей губернии. Анализировалась активность рабочего, крестьянского движений, участие в них интеллигенции и учащейся молодежи. Полученные из разных источников сведения проверялись, обобщались, систематизировались руководителями политического сыска всех уровней [4, с. 25].

Для повышения эффективности борьбы с политической крамолой, ГЖУ и охранные отделения предоставляли друг другу оперативную информацию о разыскиваемых или подозреваемых в политической неблагонадежности лицах. В 1906 г. в Оренбургском ГЖУ по указанию других жандармских управлений и лиц прокурорского надзора исполнено 12 следственных действий, в то время, как еще совсем недавно – в 1904 г. – таких следственных действий вообще не производилось¹².

Подавляющее большинство донесений, регистрировавшихся в канцелярии Оренбургского ГЖУ в годы первой революции, как правило, начинались словами: «По полученным агентурным сведениям...». За этим представляющимся абсолютно естественным для сыска учреждения выражением на самом деле скрывался совершенно новый подход к организации и ведению политического розыска. Теперь ведущими источниками информации о деятельности революционных партий на территории Оренбургского края стали сообщения агентов наружного и внутреннего наблюдения.

Впервые пожелание о создании сети наружного и внутреннего наблюдения в качестве средства улучшения дела политического розыска было высказано начальником ГЖУ еще в 1900 г. В частности, он предлагал: «при каждом управлении иметь филеров и там, где и когда по местным условиям окажется необходимым, учредить (внутренних – С.Д.) агентов и, даже, секретные отделения»¹³.

¹² ГАОО. - Ф. 21. - Оп. 5. - Д. 19. - Л. 58-59.

¹³ ГАОО. - Ф. 21. - Оп. 3. - Д. 18. - Л. 10.

Однако это предложение не нашло поддержки в Департаменте полиции. Для его реализации МВД не имело ни достаточных средств, ни подготовленных к агентурной работе жандармских кадров, а главное, относительно стабильная политическая обстановка в Оренбургской губернии, не вызывала беспокойства столичного ведомства [9, с. 279].

Активизация революционного подполья в российской провинции побудила директора Департамента полиции настойчиво рекомендовать начальникам жандармских управлений и охранных отделений в качестве ответной меры приобретать и использовать внутреннюю секретную агентуру как единственное вполне надежное средство, обеспечивающее осведомленность¹⁴.

Деятельность секретного сотрудника была окутана глубокой тайной. Его настоящую фамилию мог знать лишь заведующий розыском. Все остальные, соприкасавшиеся с предоставленными агентом сведениями, знали только его псевдоним или номер. Прямые контакты с секретным осведомителем могли иметь только начальник ГЖУ, его адъютант и помощники начальника ГЖУ в уездах. Свидания с агентами проходили на особых конспиративных квартирах. Охранка стремилась не делать ни одного ареста, даже в ущерб следствию, если это могло хоть немного скомпрометировать агента [4, с. 23].

В 1906 г. начальник Самарского ГЖУ получил от своего осведомителя сообщение, что проживающий в Оренбурге крестьянин Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии Казарис Тер-Гаразоросьянц наладил контакты с нижними чинами оренбургского гарнизона, скупал у них украденные с оружейного склада винтовки, а затем по почте переправлял их в Ахалкалаки в распоряжение армянской организации «Дрошакистов». В донесении содержалась убедительная просьба: пользоваться агентурными сведениями «в целях сохранения... источника, весьма осторожно»¹⁵.

Ни подтвердить, ни опровергнуть доставленную из Самары информацию оренбургские жандармы так и не смогли. Как следует из объяснений начальника ГЖУ, из-за опасности разоблачения сотрудника, ему пришлось отказаться от проведения дознания даже путем расспросов почтовых чиновников¹⁶.

Опасаясь утечки информации, Департамент полиции запретил начальникам жандармских управлений и охранных отделений в переписке с ним упоминать фамилии

секретных сотрудников, а тем более «прилагать подлинные расписки о получении сотрудниками денег». В случаях крайней необходимости позволялось писать псевдонимы, причем сами донесения присылать в форме доверительных писем¹⁷.

В страхе перед разоблачениями и возможной мести со стороны революционеров, с которыми они тесно сотрудничали, а позднее предавали, секретные агенты требовали от своих руководителей дополнительных гарантий личной безопасности. Так, завербованный помощником начальника Оренбургского ГЖУ по Троицкому и Верхнеуральскому уездам ротмистром Кучиным секретный сотрудник категорически заявил, что он «он согласен быть полезным не иначе, как если его имя будет в губернском секрете и, что если бы потребовались расписки в получении им денег, то он не будет расписываться своей собственной фамилией»¹⁸.

В инструкции по организации и ведению политического сыска предусматривался специальный порядок приобретения секретных сотрудников. Особое внимание обращалось на настойчивые и продолжительные беседы жандармских офицеров с арестованными по политическим делам. От офицера требовалось умение войти в доверие к арестованным, узнать их слабые стороны. Одних вербовали на сотрудничество за деньги, других запугивали карами неминуемого наказания за их антиправительственную деятельность. Немаловажным моментом считалось нащупать уязвимое самолюбие партийных работников, которых чем-либо обидела их партия. Обычным методом было подсаживание к арестованным «своих» людей, а также внезапный арест намеченной жертвы [40, с. 43].

Склонение к сотрудничеству профессиональных революционеров было довольно редким явлением и считалось большой удачей для политического сыска. Гораздо чаще охранке предлагали свои услуги лица, прельщенные высокими и, как им казалось, легкими заработками, – постоянные секретные сотрудники в провинции ежемесячно получали от 15 до 35 рублей, что соответствовало жалованию жандармских вахмистров и унтер-офицеров.

Образцом такого отношения к службе в политическом сыске может служить обнаруженное нами в переписке о секретной агентуре Оренбургского ГЖУ заявление студента Пермской духовной семинарии Дмитрия Мультиановского. Причиной, побудившей студента-

¹⁴ ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 4. – Д. 21. – Л. 110.

¹⁵ ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 234. – Д. 2. – Ч. 42. – Л. 13.

¹⁶ ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 234. – Д. 2. – Ч. 42. – Л. 38-39об.

¹⁷ ЦГАСО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Д. 784. – Л. 1.

¹⁸ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 7. – Д. 24. – Л. 54-55.

семинариста предложить свои услуги жандармскому управлению, послужило отсутствие «определенной службы в казенных и частных учреждениях»¹⁹. То обстоятельство, что к заявлению Д. Мультиановского не приложено каких-либо рекомендаций и запросов о нем в другие жандармские управления и охранные отделения, да и сама просьба заявителя: «В случае принятия меня на службу, прошу вас, дайте мне необходимые инструкции, чтобы я мог немедленно же вступить в отправление обязанностей» без указания о его принадлежности к какой-либо политической антиправительственной организации, позволяет сделать вывод, что в политическом сыске он человек новый.

Ведущей проблемой в истории политического сыска в Российской империи является участие жандармских офицеров и секретных агентов тайной полиции в провокации политических преступлений. По мнению Н.Н. Ансимова, выделение значительных средств на содержание охранных отделений требовало от последних постоянно создавать видимость успешной борьбы с внутренними врагами. Если не удавалось обнаружить действительного врага царизма, то необходимые составы преступлений создавались [4, с. 23]. В погоне за чинами и должностями инспирировали составы таких преступлений сами охранники.

Опасность вызвать к себе подозрение и желание пробиться в партийное руководство заставляли секретных сотрудников не только подстрекать, но и непосредственно участвовать в революционных выступлениях и террористических актах, о чем они порой «забывали» поставить в известность своих руководителей из охранки. Так, сама система организации и функционирования политического сыска в России толкала сотрудников к совершению политических преступлений.

На службу в политическую полицию поступали разного рода авантюристы, водившие за нос не только революционеров, но и своих хозяев из охранки. В 1907 г. секретным агентом ГЖУ по оренбургской социал-демократической организации состоял проживавший в Оренбурге под именем мещанина г. Камышина Саратовской губернии Зальман Менделевич Малкин. Материалы жандармского дознания по делу Оренбургского комитета РСДРП дают основание полагать, что арест членов этой организации производился на основании донесений Малкина²⁰. После того как социал-демократы заподозрили его

в измене, Малкин, выбирая меньшее из зол, поспешил с саморазоблачением к начальнику Оренбургского ГЖУ полковнику К.Л. Леонтьеву.

В ходе допросов и наведения справок выяснилось, что выдававший себя за З.М. Малкина секретный сотрудник на самом деле мещанин города Мстиславля Могилевской губернии Лейбабер Шмеркович Евзиков. Во время обыска, произведенного у него на квартире в Мстиславле 16 августа 1906 г., были обнаружены прокламации, гектограф, печать организации РСДРП, два револьвера, адреса и книги. После побега из тюрьмы с фальшивыми документами на руках Евзиков оказался в Оренбурге. Полковник К.Л. Леонтьев высоко оценил заслуги своего осведомителя. Вслед за этим, с которым был отправлен из Оренбурга Евзиков, он телеграфировал начальнику Могилевского ГЖУ: «Евзиков, состоявший в управлении сотрудником, личность весьма полезная. Кличка «Черный»²¹.

К концу революционного трехлетия оренбургская жандармерия обладала сложившейся внутренней агентурной сетью. Если в 1905 г. по революционным организациям Оренбурга в жандармском управлении числился только один секретный сотрудник [49, л. 37-38], то в 1908 г. их состояло уже четверо: два сотрудника по Оренбургскому комитету РСДРП, один – по партии эсеров и еще один – по боевой организации этой партии²².

Помимо Оренбурга, жандармские осведомители действовали в Троицкой и Челябинской группах РСДРП, а также в организациях анархистов-коммунистов Челябинска, Актюбинска и Кустаная Тургайской области. Всего, к октябрю 1909 г., жандармам удалось внедрить в подпольные организации революционных партий 10 своих секретных сотрудников²³.

Донесения внутренней агентуры являлись ведущим, но далеко не исчерпывающим источником информации. Обычно осведомители сообщали о членах или руководителях подпольных организаций, с которыми контактировали лично, либо услышанное в ходе доверительных разговоров от третьих лиц. Однако жандармским офицерам приходилось учитывать, что из соображений личной безопасности, секретные сотрудники не всегда и не полностью делились собранной ими информацией.

Дальнейшая проверка агентурной информации осуществлялась сотрудниками наружного наблюдения (филеры – С.Д.), обязанности

¹⁹ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 7. – Д. 24. – Л. 64–65.

²⁰ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 2. – Д. 53. – Л. 103–104.

²¹ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 7. – Д. 24. – Л. 73–73об., 75, 80–82.

²² Там же. – Л. 110–111.

²³ Там же. – Л. 257.

которых, как правило, исполняли унтер-офицеры дополнительного штата. В § 14 «Положения о районных охранных отделениях», начальникам жандармских управлений предписывалось для подготовки к филерской службе выбирать лучших унтер-офицеров.

Численность состоявших при ГЖУ филеров устанавливалась из расчета не менее двух человек при десяти унтер-офицерах, а при большем составе дополнительного штата, не менее половины всех остальных. Согласившиеся служить филерами унтер-офицеры уже никогда не надевали жандармскую форму. При зачислении на службу филеру выплачивалось денежное пособие в размере 50 рублей на обзаведение гражданской одеждой, а в дальнейшем на ее ремонт выделялось ежемесячно по 6 рублей. Кроме того, агентам наружного наблюдения возмещались командировочные расходы из расчета 1 рубль за проезд, 50 копеек суточных на питание, квартирные в местах командирования и другие служебные расходы. Филеры освобождались также от налагаемых на жандармов обязанностей: дежурства по канцелярии, конвоирования арестантов и прочих поручений, которые за них теперь исполняли дослужившие свои сроки старые унтер-офицеры, не способные к филерской подвижной службе²⁴.

Филеры вели наблюдение за указанными в донесениях внутренней агентуры руководителями и членами подпольных организаций. В их обязанности входило определение круга лиц, с которыми встречался наблюдаемый революционер, установление адресов явочных квартир, мест нелегальных сходок. Слабость наружного наблюдения состояла в том, что филеры могли работать лишь в густонаселенной местности, а в местах с небольшой плотностью населения слежка была неприемлема.

Донесения филеров заносились в дневники наружного наблюдения с соответствующими сводками по каждой организации. Начальники охранных отделений и жандармских управлений давали согласие на производство массовых арестов только после того, как приходили к выводу, что данные наружного и внутреннего наблюдения содержат достаточно оснований для предъявления подозреваемым обвинений в причастности к революционной деятельности.

Активное использование оренбургскими жандармами наружного наблюдения при выслеживании революционеров началось в 1907 г. До создания собственной сети наруж-

ного наблюдения офицеры Оренбургского ГЖУ пользовались услугами филеров Самарского районного охранного отделения. При их содействии летом и осенью 1907 г. были произведены аресты членов Оренбургских комитетов партий социал-демократов и социалистов-революционеров, а также членов Оренбургского отделения Железнодорожного союза Ташкентской железной дороги.

В том же 1907 г. был создан филерский отряд из унтер-офицеров Оренбургского ГЖУ. Заведующим наружным наблюдением был назначен П.Н. Синицин, обладавший профессиональными навыками агентурной работы.

Первый опыт использования наружного наблюдения в качестве средства сбора оперативной информации и выслеживания лиц, подозревавшихся в совершении политических преступлений, побудил начальника Оренбургского ГЖУ обратиться в Департамент полиции с инициативой об упразднении жандармских пунктов в городах Троицке, Челябинске, Верхнеуральске и замене их филерскими отрядами. По мере надобности предполагалось направлять эти отряды для изучения обстановки. Свое ходатайство руководитель политического сыска на Южном Урале мотивировал тем, что политические репрессии, проводимые властями, обернулись утратой доверия к ним местного населения: «Мундир стал отпугивать местных обывателей и получать теперь какие-либо ценные сведения становится чрезвычайно трудно»²⁵. Инициатива оренбургских жандармов нашла полное понимание и поддержку директора Департамента полиции.

Помимо наружного и внутреннего наблюдения важнейшим источником в арсенале средств осведомления охраны являлась перлюстрация. Все письма, адресованные лицам, известным жандармам своей «неблагонадежностью», вскрывались, копировались, подшивались с другими бумагами, имевшими значение для освещения деятельности наблюдаемой организации. В тех случаях, когда чиновники ГЖУ затруднялись самостоятельно расшифровать содержание переписки, они обращались за содействием в Департамент полиции. Здесь письма участников революционного движения самым тщательным образом изучались, расшифровывались, подвергались воздействию различных кислот для проявления секретного текста. Вся содержащаяся в письмах информация тщательно проверялась: выяснялись связи, имена, фамилии и псевдонимы адресатов.

²⁴ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 7. – Д. 47. – Л. 4–7об.

²⁵ ГАОО. – Ф. 21. – Оп. 7. – Д. 24. – Л. 43–44.

Таким образом, осуществлявшаяся в период первой российской революции реорганизация системы политического сыска, рост финансирования агентурной деятельности и внедрение новых методов агентурной работы, взятых на вооружение оренбургскими жандармами, обеспечили высокий уровень раскрываемости подпольных революционных организаций и массовые аресты их членов. Однако использовавшийся охранным

ведомством механизм добычи информации и поощряемая им система доносительства оказывали разлагающее влияние на моральное состояние российского общества. Закономерным результатом насаждавшейся атмосферы подозрительности и страха стало неоднократно отмечавшееся начальниками Оренбургского ГЖУ недоверие населения к чиновникам в полицейских мундирах. К тем, кто был призван охранять Империю от посягательства внутренних врагов.

Список литературы

1. Агафонов, В. К. Заграничная охранка / В. К. Агафонов. – Пг., 1918.
2. Айнзафт, С. Зубатовщина и гапоновщина / С. Айнзафт. – Пг., 1925.
3. Ансимов, Н. Н. Большевистское подполье Урала в борьбе с подрывной деятельностью политической полиции в рабочем движении (1910-1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Н. Ансимов. – Свердловск, 1974.
4. Ансимов, Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903-1917) / Н. Н. Ансимов. – Свердловск, 1989.
5. Волков, А. Петроградское охранное отделение / А. Волков. – Пг., 1917.
6. Гессен, В. М. Исключительное положение / В. М. Гессен. – СПб., 1908.
7. Дейч, Л. Г. Провокаторы и террор / Л. Г. Дейч. – Тула, 1926.
8. Дорохов, В. Г. Политический сыск в Томской губернии 1881 – февраль 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук / В. Г. Дорохов. – Кемерово, 2005.
9. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М., 1983.
10. Жухрай, В. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы / В. Жухрай. – М., 1991.
11. Звягинцев, Е. А. Провокаторы и подстрекатели / Е. А. Звягинцев. – М., 1917.
12. Зотов, А. Саратовская охранка / А. Зотов. – Саратов, 1924.
13. Келлер, В. Ю. Организация и деятельность Донского охранного отделения в период революции 1905-1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук / В. Ю. Келлер. – Кропоткин, 2006.
14. Кузьмин, В. П. С.В. Зубатов и его корреспонденты / В. П. Кузьмин. – М.-Л., 1928.
15. Куклин, Н. И. Борьба социал-демократических организаций Урала против подрывной деятельности царской охранки в период образования РСДРП: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. И. Куклин. – Свердловск, 1969.
16. Курлов, Г. К. Гибель императорской России / Г. К. Курлов. – М., 1991.
17. Курлов, П. Г. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов / П. Г. Курлов. – Пг.-М., 1923.
18. Лаврик, Т. М. Организационно-правовые основы деятельности губернских жандармских управлений провинциальной России, 1867-1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук / Т. М. Лаврик. – Тамбов, 2008.
19. Лурье, Ф. Полицейские и провокаторы / Ф. Лурье. – СПб., 1992.
20. Овченко, Ю. Ф. Безопасность империи: Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880-1917 гг. / Ю.Ф. Овченко. – М., 2012.
21. Оренбург / под ред. Л. И. Футорянского. – Челябинск, 1997.
22. Осоргин, М. Охранное отделение и его секреты / М. Осоргин. – М., 1917.
23. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. / под ред. П. А. Щеголева. – М.-Л., 1924-1927.
24. Перегудова, З. И. Политический сыск России (1880-1917 гг.) / З. И. Перегудова. – М., 2000.
25. Пильский, О. Охранка и провокация / О. Пильский. – Пг., 1917.
26. Плужников, С. Ю. Система местных органов политического сыска Российской империи в начале XX в. / С. Ю. Плужников // Вестник Тульского университета. – 2009. – № 5.
27. Рууд, Ч. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях / Ч. Рууд, С. Степанов. – М., 1993.
28. Сафонов, Д. А. Губернское жандармское управление: пособие к курсу «История государства и права» / Д. А. Сафонов. – Уфа, 1998.
29. Сафонов, Д. А. Губернское жандармское управление: проблема кадрового обеспечения / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3.
30. Сафонов, Д. А. Жандармское управление в провинциальной губернии: реальные направления и методы работы / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3.
31. Сафонов, Д. А. Пробуждение. Революция 1905-1907 и Оренбуржье / Д. А. Сафонов. – Оренбург, 1996.

32. Светиков, С. Г. Русский политический сыск за границей (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции) / С. Г. Светиков. – Ростов н/Д., 1918.
33. Спиридович, А. И. При царском режиме. Записки начальника охранного отделения / А. И. Спиридович. – М., 1926.
34. Тютюнник, Л. И. Департамент полиции в борьбе с революцией 1905-1907 гг. / Л. И. Тютюнник // Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX – начале XX вв. – М., 1982.
35. Членов, С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники / С. Б. Членов. – М., 1919.
36. Чудакова, М. С. Политический сыск России в конце XIX – начале XX вв. (в региональном аспекте): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. С. Чудакова. – Ярославль, 1997.
37. Чудакова, М. С. Противостояние: политический сыск дореволюционной России / М. С. Чудакова. – Ярославль, 2003.
38. Чукарев, А. Г. Методы и средства политического розыска в царской России / А. Г. Чукарев // Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока. – Владивосток, 1968.
39. Шинджикашвили, Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма / Д. И. Шинджикашвили. – Омск, 1973.
40. Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма / Д. И. Шинджикашвили. – Омск, 1974.
41. Щеголев, П. Е. Охранники и авантюристы / П. Е. Щеголев. – М., 1930.

References

1. Agafonov, V. K. Zagranichnaya ohranka / V. K. Agafonov. – Pg., 1918.
2. Aynzaft, S. Zubatovschina i gaponovschina / S. Aynzaft. – Pg., 1925.
3. Ansimov, N. N. Bolshevistskoe podpole Urala v borbe s podryvnoy deyatelnostyu politicheskoy policii v rabochem dvizhenii (1910-1914 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / N. N. Ansimov. – Sverdlovsk, 1974.
4. Ansimov, N. N. Borba bolshevikov protiv politicheskoy taynoy policii samoderzhaviya (1903-1917) / N. N. Ansimov. – Sverdlovsk, 1989.
5. Volkov, A. Petrogradskoe ohrannoe otdelenie / A. Volkov. – Pg., 1917.
6. Gessen, V. M. Isklyuchitelnoe polozhenie / V. M. Gessen. – SPb., 1908.
7. Deych, L. G. Provokatory i terror / L. G. Geych. – Tula, 1926.
8. Dorohov, V. G. Politicheskiy sysek v Tomskoy gubernii 1881 – fevral 1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk / V. G. Dorohov. – Kemerovo, 2005.
9. Eroshkin, N. P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolucionnoy Rossii / N. P. Eroshkin. – М., 1983.
10. Zhuhray, V. Tayny carskoy ohranki: avanturyisty i provokatory / V. Zhuhray. – М., 1991.
11. Zvyaginцев, E. A. Provokatory i podstrekately / E. A. Zvyaginцев. – М., 1917.
12. Zotov, A. Saratovskaya ohranka / A. Zotov. – Saratov, 1924.
13. Keller, V. Yu. Organizatsiya i deyatelnost Donskogo ohrannogo otdeleniya v period revolyucii 1905-1907 gg.: dis. ... kand. ist. nauk / V. Yu. Keller. – Kropotkin, 2006.
14. Kuzmin, V. P. S.V. Zubatov i ego korrespondenty / V. P. Kuzmin. – М.-Л., 1928.
15. Kuklin, N. I. Borba social-demokraticeskikh organizatsiy Urala protiv podryvnoy deyatelnosti carskoy ohranki v period obrazovaniya RSDRP: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / N. I. Kuklin. – Sverdlovsk, 1969.
16. Kurlov, G. K. Gibel imperatorskoy Rossii / G. K. Kurlov. – М., 1991.
17. Kurlov, P. G. Konec russkogo carizma. Vospominaniya byvshego komandira Korpusa zhandarmov / P. G. Kurlov. – Pg.-M., 1923.
18. Lavrik, T. M. Organizacionno-pravovye osnovy deyatelnosti gubernskih zhandarmских управлений provincialnoy Rossii, 1867-1917 gg.: dis. ... kand. jurid. nauk / T. M. Lavrik. – Tambov, 2008.
19. Lure, F. Politsieskie i provokatory / F. Lure. – SPb., 1992.
20. Ovchenko, Yu. F. Bezopasnost imperii: Politicheskiy rozysk – sredstvo obespecheniya bezopasnosti Rossiyskogo samoderzhaviya, 1880-1917 gg. / Yu.F. Ovchenko. – М., 2012.
21. Orenburg / pod red. L. I. Futoryanskogo. – Chelyabinsk, 1997.
22. Osorgin, M. Ohrannoe otdelenie i ego sekrety / M. Osorgin. – М., 1917.
23. Padenie carskogo rezhima: Stenograficheskie otchety doprosov i pokazaniy, dannyh v 1917 g. v Chrezvychaynoy sledstvennoy komissii Vremennogo pravitelstva: v 7 t. / pod red. P. A. Schegoleva. – М.-Л., 1924-1927.
24. Peregudova, Z. I. Politicheskiy sysek Rossii (1880-1917 gg.) / Z. I. Peregudova. – М., 2000.
25. Pilskiy, O. Ohranka i provokatsiya / O. Pilskiy. – Pg., 1917.
26. Pluzhnikov, S. Yu. Sistema mestnykh organov politicheskogo syska Rossiyskoy imperii v nachale XX v. / S. Yu. Pluzhnikov // Vestnik Tulsckogo universiteta. – 2009. – № 5.
27. Ruud, Ch. Fontanka, 16. Politicheskiy sysek pri caryah / Ch. Ruud, S. Stepanov. – М., 1993.
28. Safonov, D. A. Gubernskoe zhandarmское управление: posobie k kursu «Istoriya gosudarstva i prava» / D. A. Safonov. – Ufa, 1998.
29. Safonov, D. A. Gubernskoe zhandarmское управление: problema kadrovogo obespecheniya / D. A. Safonov // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – № 3.

30. Safonov, D. A. Zhandarmskoe upravlenie v provincialnoy gubernii: realnye napravleniya i metody raboty / D. A. Safonov // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – № 3.
31. Safonov, D. A. Probuzhdenie. Revolyuciya 1905–1907 i Orenburzhe / D. A. Safonov. – Orenburg, 1996.
32. Svetikov, S. G. Russkiy politicheskij sysk za granicey (po dokumentam Parizhskogo arhiva zagranichnoy agentury Departamenta policii) / S. G. Svetikov. – Rostov n/D., 1918.
33. Spiridovich, A. I. Pri carskom rezhime. Zapiski nachalnika ohrannogo otdeleniya / A. I. Spiridovich. – M., 1926.
34. Tyutyunik, L. I. Departament policii v borbe s revolyuciej 1905-1907 gg. / L. I. Tyutyunnik // Samoderzhavie i krupnyy kapital v Rossii v konce XIX – nachale XX vv. – M., 1982.
35. Chlenov, S. B. Moskovskaya ohranka i ee sekretnye sotrudniki / S. B. Chlenov. – M., 1919.
36. Chudakova, M. S. Politicheskij sysk Rossii v konce XIX – nachale XX vv. (v regionalnom aspekte) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / M. S. Chudakova. – Yaroslavl, 1997.
37. Chudakova, M. S. Protivostoyanie: politicheskij sysk dorevolucionnoy Rossii / M. S. Chudakova. – Yaroslavl, 2003.
38. Chukarev, A. G. Metody i sredstva politicheskogo rozyska v carskoy Rossii / A. G. Chukarev // Voprosy istorii, filosofii, geografii i ekonomiki Dalnego Vostoka. – Vladivostok, 1968.
39. Shindzhikashvili, D. I. Ministerstvo vnutrennih del carskoy Rossii v period imperializma / D. I. Shindzhikashvili. – Omsk, 1973.
40. Shindzhikashvili D. I. Sysknaya policiya carskoy Rossii v period imperializma / D. I. Shindzhikashvili. – Omsk, 1974.
41. Schegolev, P. E. Ohranniki i avanturyisty / P. E. Schegolev. – M., 1930.